ПРИМЕР БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИЙНОСТИ

М. И. КАЛИНИН

Наша дореволюционная литература, в лице ее лучших представителей, усердно искала путей лучшего служения народу. Но надо сказать, что даже великие русские писатели, поскольку они не выходили из сферы буржуазного общества и его мировоззрения, не видели путей, обеспечивающих победу народа над угнетателями, не видели и людей, борющихся за эти пути.

Советская литература находится куда в лучших условиях. Она обогащается теорией марксизма-ленинизма, опытом пролетарской революции, практическим строительством социализма. Наконец, советское общество дает ей возможность в художественной форме выявлять из реальной действительности положительных героев для своих произведений. Успехи советской литературы в этом отношении неоспоримы. Однако, мне кажется, что для дальнейшего движения вперед в создании более сложных и обобщенных типов бойцов за социализм и его строителей нашим художникам необходимо более глубокое изучение истории партии и ее деятелей.

Эти мысли невольно приходят в голову в связи с исполнившимся сегодня пятидесятилетием жизни товарища Молотова и более чем тридцатилетней его работой в рядах нашей партии.

Не имея возможности даже приблизительно и хотя бы отдельными штрихами набросать всестороннюю характеристику товарища Молотова, я хочу отметить только одну его черту, которая, как мне кажется, более всего бросается в глаза.

Товарищ Молотов вступил в нашу партию в 1906 году, т. е. тогда, когда фактически уже начался отлив первой русской буржуазно-демократической революции. Царское правительство, оправившись от первых ударов, переходило в наступление и громило революцию по частям в различных городах и районах страны. Либеральная буржуазия, напуганная невиданным размахом народной революции не менее самого царя, бросилась теперь к нему в об'ятия. Она была готова заключить с ним сделку на базе любой «Конституции». Среди буржуазно-демократической интеллигенции все больше распространялись, так называемые, «веховские» идеи, т. е. идеи ренегатства, отречения от революции, т. е. «провозглашение своих «либеральных» чувств (и соответствующей «либеральной» политики) по отношению к Октябристской буржуазии, по отношению к старой власти, по отношению ко всей старой России вообще» (Ленин).

На почве этих сдвигов во всех прослойках буржуазного общества стало «модным» поливать грязью революцию, проклинать революционное подполье и разносить марксизм. И такие «модные» настроения захватили большую часть социал-демократической интеллигенции. Меньшевики считали, что революция окончилась, что нелегальную революционную партию надо ликвидировать и повести политику на базе одних только легальных организаций, приспособляясь к «подновленному» самодержавному режиму, выпрашивая или, вернее, вымаливая у царя расширения легальных возможностей. А часть бывших большевиков, отколовшиеся от большевистской организации интеллигенты, как Богданов и другие, начали открыто ревизовать философские основы марксизма. Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» дал достойную отповедь всем ревизионистам и фальсификаторам марксизма.

Значит, в то время, когда контрреволюция наступала, когда начиналась реакция, когда она уже чувствовала себя победительницей,—товарищ Молотов вступил в ряды большевиков.

Работая сначала среди учащихся Казани, он получил первую высылку в Вологду. В Вологде его подпольная работа началась с организации группы большевиков (здесь, между прочим, он экстерном сдал экзамен на аттестат зрелости, что дало ему возможность после отбытия ссылки в 1911 году поступить в Петербургский политехнический институт).

Вся обстановка того времени и само начало партийной работы товарища Молотова ясно показывают, что его вступление в партию не было результатом увлечения юности, а явилось вполне сознательным актом, определившим всю его последующую жизнь и политическую деятельность. Он пошел, если можно так выразиться, против общественного течения, избрал самый трудный, самый тяжелый путь своей жизни и деятельности. Судя по бесчисленным примерам практической жизни других революционеров, да и по началу своей собственной политической деятельности, он мог хорошо видеть, что этот путь предвещает ему тюрьмы, ссылки и другие расправы реакции.

Он избрал этот путь именно потому, что по своему глубокому убеждению считал его наиболее честным, наиболее эффективным в деле служения рабочему классу, народу. И мы видим, что вся последующая деятельность товарища Молотова подчинена только этой цели. Он отдался весь без остатка борьбе, беспощадной борьбе за идеалы рабочего класса, а тем самым—за весь угнетенный народ, за освобождение трудящихся от всякого рабства и гнета. А за это, как известно, непосредственно и прямо, последовательно и до конца боролась лишь одна партия, партия Ленина—Сталина, партия большевиков. Поэтому товарищ Молотов и стал верным бойцом этой партии.

Отбыв Вологодскую ссылку, товарищ Молотов переехал в Петербург. Подпольная работа в столице была блестящей школой для политических деятелей большого размаха. Известно, что Петербург был центром революционной борьбы. Питерский пролетариат был наиболее организован, его воля к борьбе с царским самодержавием и капитализмом была неукротимой. Петербург располагал и наиболее

Товарищи Сталин и Молотов на строительстве канала Москва—Волга 23 апреля 1937 года.
Фото-клише ТАСС.

сильными противниками партии большевиков. Я имею в виду не только органы царской охранки и полицейщины, но и общественно-политические организации от черносотенцев до анархистов. Борьба с этими партиями за влияние в рабочей среде велась отчаянная.

В этом политическом водовороте работал товарищ Молотов. Здесь он закалялся в большевистском руководстве: сначала организация нелегальных студенческих кружков и руководство пропагандой в рабочих районах, потом сотрудничество в «Звезде», организация «Правды» и работа в ней в качестве ответственного секретаря ее редакции. «Правдой» из-за границы руководил Ленин. Переписка с ним не только давала руководящие указания, но и обогащала товарища Молотова в политике. В этот период в Петербурге работая товарищ Сталин, непосредственно возглавлявший «Правду» от ссылки до ссылки. Встречи с ним, как с одним из опытнейших революционеров-большевиков и как с членом Центрального Комитета партии, непосредственно служили для товарища Молотова великолепной школой в практической работе и в теоретическом освоении марксизма-ленинизма.

Царская охранка по достоинству «оценила» работу товарища Молотова. В апреле 1913 года он был арестован и выслан из Петербурга. Поселившись в окрестности города, товарищ Молотов продолжал активно работать в Петербургской организации и сотрудничал в «Правде», защищая с неослабной энергией дело большевизма. Вскоре последовал новый арест, который, однако, кончился благополучно, т. е. за ним осталась старая высылка. В мае 1914 года опять арест, но теперь степень репрессии была усилена. В начале мировой войны товарищ Молотов нелегально вернулся в Петербург и сразу же включился в руководящую партийную работу, последовательно проводя ленинскую политику.

Много раз царская охранка выслеживала товарища Молотова, арестовывала и высылала его из Петербурга, но он снова и снова возвращался в столицу, чтобы продолжать партийную работу. Недаром полиция отмечала в своих сводках, что «Скрябин определенный социал-демократ, большевик». А петербургские рабочие, особенно старшее поколение, с чувством глубокого удовлетворения вспоминают товарища Молотова, как верного солдата партии, беспощадного ко всем врагам партии и рабочего класса, стойкого и непримиримого большевика-ленинца.

Затем нелегальная работа в Москве. Арест. Ссылка в Сибирь. Очередной побег. Возвращение в Петроград на партийную работу.

Осенью 1916 года Центральный Комитет партии кооптировал товарища Молотова в Российское бюро ЦК, на которое выпала ответственная задача непосредственно и практически руководить всеми организациями партии, а через них—пролетариатом страны накануне и во время февральской революции.

Подводя краткий итог общественно-политической деятельности товарища Молотова за весь предреволюционный период, мне хотелось бы отметить прежде всего и в особенности ее глубокую идейность, революционно-марксистскую последовательность, неуклонность в проведении на практике ленинской линии, целеустремленность в борьбе за коммунизм, короче говоря,—партийность в самом высоком смысле этого слова. А это качество я считаю самым главным, самым ценным качеством революционера. И надо сказать, что это качество оставило глубокий след на всей борьбе нашей партии в дореволюционный период. Такие люди могут с гордостью сказать: мы не без успеха воевали с царизмом, расчищая путь к осуществлению конечной цели рабочего класса.

В бурные дни накануна Октября мы видим товарища Молотова в руководстве подготовкой и проведением вооруженного восстания в качестве одного из основных руководителей петроградского совета и члена военно-революционного комитета.

Едва только завершилось победой Октябрьское вооруженное восстание, партия и советская власть взялись за борьбу с разрухой. Надо было хотя бы минимально обеспечить функционирование промышленности, чтобы закрепить победу. И товарищ Молотов выдвигается председателем Совета Народного хозяйства Северного района, т. е. целой группы губерний, примыкающих к Петроградской. Здесь он начал непосредственно руководить социалистическим строительством, практически осуществляя рабочий контроль и проводя национализацию промышленности. Под его руководством рабочие проходили, так сказать, школу подготовки к управлению промышленностью.

В годы гражданской войны товарищ Молотов работал на важнейших участках партийного и советского строительства, укрепляя диктатуру пролетариата.

На X с'езде партии товарищ Молотов был избран членом ЦК. Теперь он—ответственный секретарь ЦК.

Почти десять лет проработал товарищ Молотов секретарем ЦК партии. Писать о его деятельности в этот период—это значит писать историю строительства нашей страны, историю укрепления советской власти, историю жестокой борьбы со всеми врагами коммунистической партии, в том числе с разными изменниками и предателями внутри партии. Лучшим показателем эффективности этой работы являются всем известные успехи как в области социалистического строительства, так и в деле укрепления единства партии.

Под руководством Ленина и Сталина товарищ Молотов во всей своей деятельности, как член ЦК и Политбюро, как секретарь ЦК высоко держал знамя марксизма-ленинизма. Он был непреклонным проводником в жизнь идей и указаний Ленина и Сталина. А это по существу есть наилучшее, максимально полезное служение советскому народу и партии.

С декабря 1930 года товарищ Молотов—председатель Совнаркома СССР. Приступая к работе в качестве главы Советского Правительства, он так определил свою задачу: «До сих пор мне приходилось работать, главным образом, в качестве партийного работника. Заявляю Вам, товарищи, и на работу в Совнарком я иду в качестве партийного работника, в качестве проводника воли партии и ее Центрального Комитета».

Каждому, кто близко знает товарища Молотова, понятно, что это заявление он сделал не для красного словца. Мысль, вложенная в это заявление, выражает его внутреннюю сущность. Товарищ Молотов и партия неотделимы.

Почти за десятилетний период работы на посту председателя Совнаркома товарищ Молотов последовательно и неуклонно проводил ленинско-сталинскую политику, по-партийному, по-большевистски направляя советскую работу. Можно перебрать все решения, принятые по инициативе и под руководством товарища Молотова, все его книги, статьи, речи, доклады,—и сразу, без особого труда всякий заметит, что они исходят из принципов марксизма-ленинизма, из указаний партии. А это как раз и является важнейшим свойством советского государственного деятеля. Без такого свойства не может быть правильного направления в повседневной работе. Оно же предполагает и большое искусство в осуществлении правильного направления.

Быть верным бойцом партии—великое дело. Недаром в самые острые моменты, переживаемые нашей страной, наблюдается большой наплыв в партию лучших людей. Недаром перед битвой или перед выполнением какого-либо опасного задания на фронте беспартийные люди просят записать, принять их в партию. Это имеет глубокий смысл.

Товарищ Молотов служит образцом верности партии, верности марксизму-ленинизму. Его подход к решению больших и малых вопросов всегда обусловлен глубокой партийностью. От начала своей революционной деятельности до наших дней стоит он в первых рядах в борьбе за партию. Все это лучше всего показывает глубокое понимание им марксизма-ленинизма, умение применять его в практической жизни и в своей государственной деятельности.

Сегодня партия, советский народ с чувством огромного удовлетворения и с гордостью произносят славное имя товарища Молотова, как символ большевистской партийности, как залог верности советского правительства народным интересам и непобедимому знамени Ленина—Сталина. Они шлют ему горячий привет и свои поздравления. Они желают ему от всей души еще много, много лет работать на благо трудящихся, во имя процветания нашей родины, для завоевания коммунизма.

Встречи с товарищем Молотовым

В ГОСТЯХ У ВЯЧЕСЛАВА МИХАЙЛОВИЧА

В начале октября 1935 года нас из Вичуги вызвали в Москву.

Это было в самом начале стахановского движения, а в нашем текстильном крае, Ивановской области, оно разгоралось среди ткачих. Мы у себя, в Вичуге, только что поставили новый, мировой рекорд — перешли работать на 144 станка.

Приехали в Москву. Сначала нас, стахановцев легкой промышленности, собрали в Наркомате, было совещание. Потом нам сказали:

— Вас зовет к себе в гости товарищ Молотов. В Кремль, в Совнарком.

Нам стало и радостно и боязно. Могли ли мы когда-нибудь мечтать, что нам — простым ткачихам—доведется встретиться с главой советского правительства, с ближайшим соратником великого Сталина. Не только встретиться, но и рассказывать ему о своих делах, успехах. Мы волновались: а вдруг задаст такой вопрос, что мы не сумеем ответить? Мы раздумывали: суровый ли, строгий ли он человек?

С этими мыслями мы вошли в Кремль. Нас встретили как желанных гостей: были накрыты столы, было празднично, весело.

И вдруг вошел товарищ Молотов. Такой простой человек. Робости нашей как не бывало! Нас сразу познакомили. Мы и не заметили, как уже включились в общую беседу.

Но вот нас попросили рассказать о том, как мы добились успехов. Мы опять оробели и говорим:

— Мы ведь, товарищ Молотов, не умеем выступать.

А Вячеслав Михайлович сердечно:

— Кого вы стесняетесь? Здесь все рабочие, все свои люди и стесняться-то нечего. Просто расскажите, как вы работаете.

После этих слов нам стало хорошо. Мы почувствовали себя свободно и начали рассказывать.

Товарищ Молотов подробно расспрашивал о наших рекордах и интересовался историей этих рекордов.

— Ну, вот скажите: вы сами додумались до этого или кто-нибудь вам предложил взять столько станков?

— Нет,—говорим,—это мы сами вызвались.

Тогда товарищ Молотов начал расспрашивать, кто нам в этом деле помогал. Потом он спросил:

— А как рабочие, все ли довольны стахановским движением, никто не ругает вас? И не мешает ли кто вам?

Мы даже удивились. Словно товарищ Молотов в эти дни был в Вичуге и знает, что делалось тогда на нашей фабрике. В точности угадал. Было все: и мешали нам, сначала и рабочие некоторые ругали нас. Деснать, мы много на себя берем и с делом не справимся. Мы рассказали обо всем товарищу Молотову.

— А теперь,—говорим,—все в порядке, товарищ Молотов. Рабочие довольны и просят научить их, показать им, как мы работаем.

— А не трудно ли,—спрашивает товарищ Молотов,—не устаете ли?

— Нет,—говорим,—у нас все с расчетом делается.

Товарищ Молотов внимательно слушает наши рассказы, подробно расспрашивает о нашей жизни, интересуется, дружно ли мы живем. Дуся говорит:

— Живем мы очень дружно. Навещаем друг друга, советуемся. Передаем друг другу смену в полном порядке и поэтому перевыполняем план. В свободные часы гуляем, ходим в клуб, танцуем.

К концу беседы мы настолько сжились с товарищем Молотовым, беседа наша текла так легко, как будто мы знакомы с ним целую вечность. Он спрашивал, как мы устроились в Москве, понравилась ли столица. В уголке зала заседаний Совнаркома стояло плетеное кресло. Товарищ Молотов (мы сидели рядом с ним по левую руку) показал на него и говорит:

— На этом кресле сидел товарищ Ленин.

Мы притихли, задумались. Думали о нашей счастливой молодости, которую нам дали гениальные вожди рабочего класса—товарищи Ленин и Сталин.

Беседа подходила к концу. Товарищ Молотов простился с нами.

— Желаю вам всего хорошего,—сказал он.—Повторное, в ближайшее время встретимся.

Уверенные в своих силах, возвратились мы в родную Вичугу.

Прошло немного времени. 14 ноября в Большом Кремлевском дворце открылось знаменитое совещание стахановцев промышленности и транспорта. Нас тоже вызвали на это совещание. Мы сидели близко от президиума, от товарищей Сталина и Молотова. Товарищ Молотов показал на нас товарищу Сталину как на старых своих знакомых:

— Вот ткачихи Виноградовы...

После совещания стахановцев, когда нас награждали орденами, товарищ Молотов подошел к нам. Он подробно расспрашивал, как мы работаем, как чувствуем себя. Мы рассказали Вячеславу Михайловичу о наших делах, сказали, что теперь работаем на 216 станках.

Мы часто получаем письма от избирателей. Приходится обращаться к товарищу Молотову по депутатским делам для разрешения различных вопросов. И всегда мы находим у товарища Молотова большое внимание, нужный ответ и необходимую поддержку.

Евдокия ВИНОГРАДОВА,
депутат Верховного Совета СССР.
Мария ВИНОГРАДОВА,
депутат Верховного Совета РСФСР.

☆ ☆ ☆

БЛИЗКИЙ, РОДНОЙ ЧЕЛОВЕК

Я имел счастье неоднократно встречаться с Вячеславом Михайловичем Молотовым, но три встречи оставили наиболее яркое, незабываемое впечатление и являются самыми замечательными событиями в моей жизни.

В 1932 году я в числе небольшой группы ученых был приглашен на квартиру к А. М. Горькому для участия в обсуждении плана организации Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ).

На этом историческом совещании присутствовали товарищи Сталин, Молотов и Ворошилов.

Я был очень взволнован предстоящей встречей с великим Сталиным и его ближайшими соратниками. Но стоило только увидеть дорогих и любимых людей, как волнение и напряженность исчезли.

Их величие в необыкновенной простоте, безграничной человечности и чуткости.

Мы познакомились и сели за стол. Началась официальная часть нашей встречи.

Товарищ Сталин предложил вести заседание Горькому. Алексей Максимович смутился, разволновался и стал отказываться, ссылаясь на то, что он плохо говорит и не мастер вести заседания. Иосиф Виссарионович решительно настаивал на своем, и Горький открыл заседание.

Профессор Л. Н. Федоров кратко изложил организационные принципы будущего Всесоюзного института экспериментальной медицины. ВИЭМ должен был быть организован в Ленинграде на базе старого Института экспериментальной медицины. В нескольких союзных республиках предполагалось открыть филиалы. В своем докладе проф. Федоров забыл упомянуть о московском филиале. Товарищ Сталин, улыбнувшись, спросил его:

— А разве не будет филиала в такой небольшой провинции, как город Москва?..

Федоров смутился и тут же исправил свой промах, рассказав о московском филиале ВИЭМ.

Началось обсуждение проекта. Первое слово Алексей Максимович предоставил Иосифу Виссарионовичу.

Товарищ Сталин произнес замечательную речь, в которой я впервые услышал его основные мысли об интеллигенции. Это были как бы фрагменты его замечательного учения о советской интеллигенции и ее значении в строительстве нашей великой родины, — учения, которое впоследствии было столь блестяще развернуто в докладах на Чрезвычайном VIII Всесоюзном с'езде Советов и на XVIII с'езде партии.

Затем выступил Вячеслав Михайлович Молотов. Он много внимания уделил инициаторам этого огромного нового начинания, развивая идею о комплексном подходе к изучению больного и здорового человеческого организма.

Все совещание проходило в обстановке дружеского собеседования. Официальные выступления сменялись веселыми шутками, богатейшими воспоминаниями Алексея Максимовича, замечательными рассказами народного артиста СССР И. М. Москвина.

Беседуя с каждым из нас в отдельности, товарищи Сталин, Молотов и Ворошилов глубоко интересовались вопросами теоретической и практической медицины.

Мы увидели с их стороны не только интерес и внимание к тем вопросам, которыми мы занимались, но и к нашей личной жизни, бытовым запросам и нуждам. Беседуя с ними, невольно хотелось раскрыть всю душу, высказать свои сокровенные мысли.

Это совещание решило судьбу ВИЭМ. На совещании ярко выявилось неудовлетворительное состояние медицинской науки и были намечены новые пути и формы научно-исследовательской работы, которая должна проводиться на высоком теоретическом уровне в неразрывной связи с практическими требованиями, пред'являемыми жизнью.

Все было продумано до мелочей. Вынесенное решение сформулировано четко.

И вторая моя встреча с Вячеславом Михайловичем произошла у А. М. Горького. Я был единственный врач, которого Алексей Максимович пригласил к себе на встречу писателей с товарищами В. М. Молотовым, К. Е. Ворошиловым, Л. М. Кагановичем, А. И. Микояном, В. В. Куйбышевым.

В то время я заведывал московским филиалом ВИЭМ, который мы создавали с большим увлечением и энтузиазмом.

Увидев меня, Вячеслав Михайлович отвел меня в сторону, стал подробно расспрашивать, как идут дела, что мешает развертыванию работы. Он живо пережитал мои невзгоды, просил скорее открыть филиал и, не стесняясь, обращаться за помощью к нему. Потом он познакомил меня с Л. М. Кагановичем, который был в то время секретарем ЦК и МК ВКП(б), и просил его также помочь нашему делу.

Третья замечательная встреча с Вячеславом Михайловичем Молотовым произошла в 1936 г. на заседании Совнаркома СССР, где заслушивался доклад о работе ВИЭМ. На этом заседании с особенной яркостью я увидел выдающиеся качества товарища Молотова, как замечательного государственного деятеля, ближайшего соратника великого вождя народов товарища Сталина.

Обсуждение работы ВИЭМ выявило ряд значительных недостатков. Некоторые из присутствовавших на заседании пытались использовать это для того, чтобы говорить о ненужности ВИЭМ и даже предложить закрыть его. Их выпады встретили единодушный отпор со стороны товарищей Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе.

Резюмируя итоги выступлений, Вячеслав Михайлович дал резкую отповедь всем тем, кто пытался столь неосновательно обобщать отдельные недостатки, неизбежные во всяком новом деле в периоде его роста. Товарищ Молотов квалифицировал эти выступления как непартийные, политически вредные. Подчеркнув, что, несмотря на отдельные промахи и ошибки, ВИЭМ себя целиком оправдал, Вячеслав Михайлович наметил конкретную программу действий на будущее и указал основные пути для исправления недостатков.

Решение Совнаркома о работе ВИЭМ от июля 1936 г. и посейчас является важнейшим документом для всего советского здравоохранения, для всех медицинских работников нашей страны.

Каждая встреча с руководителями партии и правительства подымала во мне новые силы и вызывала все большее и большее желание отдать все свои знания и опыт, а если потребуется, то и жизнь, за великое дело Ленина—Сталина, за мою родину, за мой народ.

Профессор И. РАЗЕНКОВ.

В. М. Молотов на катере при посещении им Черноморского флота в 1935 г.
Фото-клише ТАСС.